

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

«ИСТОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ» ПО-ФРАНЦУЗСКИ И ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ*

В 1980–1990-е гг. в условиях небывалого умножения технических посредников между человеком и реальностью концепт *репрезентация* стал ключевым понятием культурного поворота в историографии. Французские историки ментальностей вписали его в антропологически ориентированную социальную историю. В статье обсуждается «история репрезентаций» по-французски и вклад историописания такого типа в расширение возможностей исторического познания.

Ключевые слова: *репрезентация, социальное, культурный поворот, воображение, образ, практики, аффект, идентичность*

Репрезентация издавна имеет статус одного из ключевых понятий познания, поскольку органично связана с проблематикой человеческого восприятия. Неудивительно, что содержание этого понятия было и остается предметом дискуссий. Так, Л.А. Микешина обосновывает необходимость его переосмысления за пределами наивно-реалистической теории отражения, как и обогащения в контексте неклассической эпистемологии. «Репрезентация не является буквально отражательной процедурой, – пишет философ, – но сочетает в себе моменты образности и конструирования, воображения и поиска посредников, через которые субъект представляет не только объект, но и свое присутствие. В целом понятия отражения, представления, репрезентации тесно связаны между собой, входят в одно “гнездо”, однако за их достаточно тонкими различиями часто стоят самостоятельные познавательные концепции»¹. Согласно М.Б. Ямпольскому, «репрезентация располагается между реальностью и миром платоновских идей. Ее сферой поэтому оказывается воображение. Но отношения репрезентации с идеями и реальностью никогда не бывают простыми. Область репрезентации – это область неопределенного. Как неопределенен онтологический статус присутствия, одновременно являющийся отсутствием»². Поскольку репрезентация «является “фактом культуры”»³ и имеет собственную историю, – уточняет Л.А. Микешина, – очевидна ее относительность: все репрезентации несут на себе печать школы, парадигмы, научного сообщества, к которому принадлежит исследователь, а также всей его системы ценностей. Через

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда № 15-18-00135 П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ Микешина 2007.

² Ямпольский 2007.

³ Вартофский 1988.

репрезентации реальный мир предстает в познании в различных «обликах», что обеспечивает «объемность» знаний и разнообразие способов их получения»⁴. Историки работают с этим понятием не одно столетие, но широта связанной с ним проблематики и полисемия концепта *репрезентация*⁵ не вполне соответствовали задачам автономной исторической дисциплины, не склонной вникать в философскую проблему соотношения реальности и ее познания. Однако в последние десятилетия XX века в условиях беспрецедентного умножения посредников между человеком и реальностью концепт *репрезентация* наполнился новым содержанием и стал главным понятием культурного поворота в историографии⁶.

В 2015 г. во французском журнале «Общества и репрезентации» в связи с его двадцатилетием была опубликована подборка текстов французских историков разных поколений о понятии *репрезентация* и его месте в историописании⁷. Эти материалы, наряду с конкретно-историческими исследованиями французских ученых и историографическими текстами, созданными в русле интеллектуальной истории, составляют документальную основу данного исследования. Не претендуя на полноту, я намерена показать особенности «истории репрезентаций» по-французски и ее влияние на историческое познание.

При осмыслении понятия *репрезентация* учитывают его критику⁸ и то, что сделано в разных национальных традициях в ходе культурного поворота. Роже Шартье отметил влияние на французские исследования в поле, получившем название «истории репрезентаций» (Мишель Вовель), американского журнала *Representations*, созданного в 1983 г. Однако в английском варианте доминировало эстетическое восприятие понятия и его применение к изучению литературных текстов и изображений, т.е. ментальных и визуальных репрезентаций. Французские историки, в соответствии с большим значением социальной истории в национальной историографической традиции, стремились использовать понятие репрезентации прежде всего для изучения многоликого мира социокультурных практик. В этом видят одно из отличий культурного поворота по-французски от *Cultural Studies* в англо-саксонском мире⁹.

Границы культурной истории весьма расплывчаты, методы и подходы разнообразны. Это «дисциплина-перекресток»¹⁰, в которой самое интересное проявляется на стыке дисциплин. Стремясь интегрировать историю идей, историю литературы, историю искусств, предметные поля, в которых длительное время доминировали интерналистские подходы, культурная история репрезентаций сотрудничает с социологией,

⁴ Микешина 2007.

⁵ Heinich 2015. P. 357-360.

⁶ Зверева 2003; Гинзбург 1998; Delacroix, Dosse et Garcia 2007.

⁷ Sociétés & Représentations 2015/2. (N° 40).

⁸ Entretien avec Roger Chartier // Sociétés & Représentations 2015/2 (N° 40), p. 289-321.

⁹ L'Histoire culturelle du contemporain... 2005.

¹⁰ Mollier 2002. P. 266-267.

антропологией, этнографией, психологией, психоанализом, а также философией. Она принципиально междисциплинарна, точнее для дней сегодняшних трансдисциплинарна, и это во многом определяет ее популярность и успех. Особенно интересно, что работа с репрезентациями в таком режиме позволяет экспериментировать с письменным текстом на грани между историописанием и искусством.

Вот как определяется *репрезентация* в «Словаре социальных наук» под редакцией Андре Бюргера: «*Всякая репрезентация*, как показал всем своим творчеством Луи Марен имеет двойное измерение: транзитивное и рефлексивное, прозрачное и непрозрачное. Это определение, если оно понимается в терминах истории репрезентаций, означает, что <...> любая репрезентация (визуальная, литературная или ментальная) не является только зеркальным отражением реальности, она также продукт действия, посредством которого репрезентация конституируется, и в котором проявляет себя носитель этого действия»¹¹. В процессе создания репрезентации участвует не только исторический персонаж, но и сам исследователь в ходе историографической операции. Иными словами, репрезентация – это не то, что возникает в голове субъекта действия и так или иначе отражается в источниках. Напротив, понятие *репрезентация* отсылает не «внутри» познающего субъекта, а в социокультурные контексты его жизнедеятельности, включающие повседневные практики и коммуникативную активность. Кроме того, репрезентация – это не только слепок с конкретного объекта, но и сложная познавательная процедура, обусловленная идентичностью субъекта, историей и культурой.

В начале нового тысячелетия в центре изучения репрезентаций оказалась тема образов. Ее обсуждение заслуживает специального внимания¹². Ограничусь здесь лишь констатацией, что знаменитый исторический фестиваль в Блуа, на который ежегодно, начиная с 1998 г. собираются десятки тысяч людей не только из Франции, но и из других стран, в 2018 г. был посвящен именно этой теме¹³.

Во Франции история репрезентаций формировалась медленно. Понятие культурная история прижилось только в 1990-е гг. Ассоциация историков за развитие культурной истории была создана в 1999 г. Для становления истории репрезентаций много сделали историки-новисты (модернисты). Впрочем, по мнению Ж.-Ф. Сиринелли, этот тип историописания проявил себя как полноценная субдисциплина лишь когда в работу включились специалисты по истории настоящего времени¹⁴. Трудно переоценить и вклад французских медиевистов¹⁵. Ж. Ле Гофф писал, что коллективный труд «Культурная история Франции» (от античности до

¹¹ Dictionnaire des sciences historiques... 1986.

¹² Чеканцева 2013.

¹³ Sur le thème "La puissance de l'image"...

¹⁴ Канинская 2010.

¹⁵ Brilli E. L'essor des images et l'éclipse du littéraire...; Gauvard 2015.

современности), можно считать «манифестом культурной истории»¹⁶. Кульминация культурной истории во Франции приходится на конец 1980-х – середину 2010-х гг.¹⁷ В первое десятилетие XXI в. выходят главные обобщающие труды о культурной истории во Франции и в других странах¹⁸. По мнению Доминика Калифа, в этот «момент» французской историографии оформляются две основные концепции культурных феноменов: первая, по-прежнему актуальная, опирается на социальный, экономический и политический подходы к изучению культурной продукции и территории культуры; вторая связана с антропологическим подходом, с позиций которого культура представляет собой прежде всего путь к постижению социального¹⁹. Во втором случае ключевым понятием культурной истории является понятие *репрезентация* и такой способ изучения истории называют «социальной историей репрезентаций» (Паскаль Ори). Содержательно и эпистемологически она отличается от истории культуры в традиционном смысле²⁰.

История репрезентаций по-французски представляет собой изучение совокупности способов, посредством которых индивиды и группы воспринимают и придают смысл миру, который их окружает. Культура присутствует в такой истории как полноценное измерение Клио, объединяющее анализ оценок, чувств, ценностей, норм, убеждений, фантазий, субъективных переживаний... Шартье полагает, что «репрезентация в историописании – это условие производства знания, а вовсе не исключительная его форма»²¹. «Используя понятие репрезентации, – пишет Филипп Артьер, – я прежде всего имею в виду включение в ведущую историографическую тенденцию. Для моего поколения трудно думать об этом понятии, не усвоив то, что было сказано и сделано Луи Мареном, Роже Шартье и Пьером Антуаном Фабром. В частности, они показали, что репрезентация, с одной стороны, никогда не будет просто целиком получена из прошлого, но для историка будет также вопрошанием, присутствующим при ее передаче в настоящем; с другой стороны, это не только отражение определенной реальности, но продукт действия. Последний аспект, воплощенный в жестах производства репрезентации, мне представляется самым важным сегодня. В том числе потому, что анализ такого жеста позволяет нейтрализовать понятие автора и принять термин “производитель”»²². Вероятно, именно в связи с культурным поворотом на пороге третьего тысячелетия во Франции получи-

¹⁶ Histoire culturelle de la France... 1997–1998.

¹⁷ Понятие «культурная история» во Франции понимается прежде всего как категория историографического нарратива, воплощение «смысла одной из форм исторической модерности». Histoire culturelle en France 2010. Т. 1. Р. 184.

¹⁸ Ory 2004; Poirrier 2004; Burke 2004; Serna 2005.

¹⁹ Kalifa 2012.

²⁰ Ю.Л. Бессмертный, подчеркивая такое различие, в свое время предлагал назвать культурную историю во Франции «культуральной». – Бессмертный 1998.

²¹ Entretien avec Roger Chartier... 2015.

²² Artières 2015. Р. 343-349.

ла широкое распространение синтагма «фабрика истории» применительно к историческому познанию в широком смысле.

Историю репрезентаций во Франции называют «эмансипированной дочерью истории ментальностей» (Р. Шартье), потому что многое в таком историописании было введено в научный оборот историками ментальностей. В конце прошлого века М. Вовель, размышляя о том, что понятие репрезентации вносит в историю культуры, писал даже, что история коллективных репрезентаций вписывается в «приключения истории ментальностей»²³. Уже Жорж Лефевр, Марк Блок, Люсьен Февр, Жорж Дюби, Филипп Ариес, изучая установки сознания и поведения, воображаемое, символическое и аффективное, по сути изучали коллективные репрезентации, хотя в среде историков такого понятия еще не было. В начале XX в. оно было введено в социологию Марселем Моссом и Эмилем Дюркгеймом, но историки долго его воспринимали как компонент социальной психологии и массового сознания²⁴. Для них это были *коллективные представления*, понимаемые в русле теории отражения. Однако в конкретно-исторической работе в жанре истории ментальностей речь также шла о поведенческих установках и привычках, включающих в себя сенсорные реакции людей, их способы восприятия и эмоции. Поэтому, по мнению Вовеля, понятие *репрезентация* в историографию культуры вошло скорее, как новый подход, а не открытие²⁵.

В отличие от историков ментальностей, изучавших культурные миры, используя подходы традиционной социальной истории и, в т.ч., истории серийной, историки репрезентаций интересуются в первую очередь историей культурных практик, а также дискурсов о них, и через практики и дискурсы стремятся показать социокультурные связи конкретного социума и характерные для него идентификационные процессы. Изучаются не столько культурные явления как таковые, но то, каким образом они производятся, распространяются, присваиваются, используются думающими, чувствующими и действующими людьми.

История репрезентаций позволяет преодолеть характерное для традиционной историографии разделение мира идей и мира человеческого действия²⁶, органично соединяя на почве сложного знания то, как человек думает, с тем, что он делает. «Репрезентации вносят сложность в мою практику», – пишет Ф. Артьер. «На самом деле понимать, что из прошлого у нас есть только набор репрезентаций, которые конфликтуют, противоречат или противостоят друг другу, что эти репрезентации получены в зеркальных играх, отражающих эффектах, что они следуют моделям или участвуют в контрмоделях; учитывать, что мы располагаем только частью репрезентаций, поскольку некоторые из них были стерты

²³ Vovelle 1999.

²⁴ О коллективных представлениях в социальной психологии: Roussiau, Bonardi 2001.

²⁵ Этот вывод подтверждает Арлетт Фарж. См.: Tillier B et Tsikounas M. Entretien avec Arlette Farge... 2015. P. 323-328.

²⁶ На эту слабость историописания обратил внимание еще М. Фуко.

или забыты, все это размывает умопостигаемость изучаемого периода». Неудивительно, что репрезентации способствовали тому, что «историю стали воспринимать как хрупкое (*fragile*) знание». В то же время анализ репрезентаций «не только выявляет нюансы и пробелы, но и является одним из способов учета мемориального измерения той работы, которая происходит между вчерашним и сегодняшним», заменяя монолог речи на полифонию. Кроме того, такое историописание «исключает риск написания непрерывной истории»²⁷.

Связь репрезентаций с практиками пытались понять не только историки. Наряду с социологами немало сделали для осмысления такой связи культурные антропологи (Эрвин Гофман, Клиффорд Гирц и др.). Луи Марен на материале XVII века показал, что репрезентации имеют политический характер и проявляются в истории в качестве властных отношений как инструмент символического доминирования. Мишель Фуко дополнил эту перспективу изучением материальности репрезентаций, связав их с событиями и практиками дискурсов. В процессе такого междисциплинарного поиска концепт *репрезентация* уточнялся, укрепляя гибкость исследовательских процедур.

Калифа выделил три смысловых уровня в изучении репрезентаций. Во-первых, образные репрезентации, предметы, изображения, печатные материалы, памятники, составившие основу многих работ по истории культуры. Во-вторых, когнитивные схемы восприятия: категории схватывания и постижения мира, посредством сенсорных систем открывающие чувственный мир ощущений, желаний, эмоций, аффектов. Наконец, сложные индивидуальные и коллективные идентификационные процессы²⁸. Вероятно, таких уровней больше, но во всех случаях концепт *репрезентация* предполагает включение участников исторического процесса в практики, выражающие и конституирующие социальное.

Предметное поле истории репрезентаций широко и насыщено, в него входят очень разные явления: история производителей культуры, история институтов и культурной политики, история медиа и медиа культур, история книги и практик чтения, история прессы, журналистики, радио, телевидения, кино, история интеллектуалов и образования, история городов, история войн, история памяти, история культурных переводов, история науки, история символов, коллективного воображаемого, способов восприятия и чувствования. Такая история включает все возможные культурные формы в узком смысле слова (совокупность культурных артефактов, знаний и ценностей конкретного социума) и в широком антропологическом смысле – все, что касается человека, его способов быть, чувствовать, думать. По мнению аналитиков, история репрезентаций способствовала также оживлению историографических исследований во Франции.

²⁷Artières 2015. P. 343-349.

²⁸Kalifa 2010.

Множество новых явлений оказались в поле зрения историков при решении задачи понять в историческом измерении сложные формы взаимодействия между сферой репрезентаций и режимом практик. Например, исследуя гендерные отношения, историки показали, как формируется пространство мужского доминирования в процессе непрерывного взаимодействия между конституированием репрезентаций неравных идентичностей, представляющихся естественными, и практиками, которые встраивают эти коммуникационные связи в порядок социальных отношений. Важным объектом анализа в качестве исторической репрезентации стала коллективная память²⁹. По мере формирования истории памяти *репрезентация* все более связывалась с понятием идентичности как индивидуальной, так и коллективной³⁰. Постепенно такая история предстает как исследование форм концептуализации, организации, производства, присвоения, распространения культурных явлений в тесной увязке с местами опыта и способами передачи идей и ценностей.

Одновременно историки пересмотрели свое понимание общества. Традиционное разделение групповых акторов, в том числе социальных классов, которые длительное время идентифицировались с помощью «объективных», преимущественно экономических критериев, уступило место подходам, акцентирующим внимание на дифференцированном конструировании идентичностей на основе моделей и норм³¹. В англоязычном мире пионером такого подхода был Э.П. Томпсон³². Новаторские работы историков репрезентаций позволили определить общество «как категорию социальной практики». При таком подходе получалось, что коллективные идентичности, определяются не столько их природой, но прежде всего их использованием (Бернар Лепти).

Одним из основателей истории репрезентаций обычно называют Роже Шартье. Ему принадлежат два программных текста, на которые ссылаются до сих пор. Это статья «Интеллектуальная история и история ментальностей» (1980), где историк проблематизировал привычное для французской историографии послевоенных десятилетий деление исторической реальности на страты: экономика, социум, политика, культура³³. И статья «Мир как репрезентация», в которой Шартье, размышляя о кризисе социальных наук и состоянии исторического познания, сформулировал новые задачи историописания³⁴. В частности, он констатировал разочарование в проекте глобальной истории à la Бродель, отход от территориальной привязки объектов исследования и конец примата априорной социальной категоризации. Шартье обосновал необходимость понимания исторических явлений при помощи дифференциаций

²⁹ Pomian 1998; Чеканцева 2015.

³⁰ Чеканцева 2017.

³¹ Kalifa 2010.

³² Thompson 2012.

³³ Шартье 2004. Позже Жак Ревель назвал это «этажностью исторических планов».

³⁴ Chartier 1989. Эта статья вошла в книгу: *Au bord de la falaise* (1998). P. 67-86.

культурного порядка, призвав историков перейти от социальной истории культур к «культурной истории социального». Этот демарш, как показали французские аналитики, во многом был подготовлен работами Мишеля де Серто, в которых исследователям предлагалось идти от объектов, форм и кодов культуры, а не от априорно выделенных социальных групп, руководствоваться не социальными делениями, но иными принципами дифференциации (гендерные, поколенческие, религиозные, сексуальные), учитывать материальность текстов и их рецепции, активнее изучать борьбу репрезентаций, с помощью которых действующие в истории акторы идентифицируются. Другими словами, изучать символические стратегии, конструирующие иерархии социальных структур. Эти программные установки Шартье реализовал в многочисленных конкретно-исторических исследованиях по истории книги и чтения, истории издательской деятельности, интеллектуальной истории³⁵.

Формирование истории репрезентаций во Франции и интеллектуальная мутация историописания происходили в нескольких центрах, и постепенно идеи разных авторов согласовывались. Из новистов отмену Даниэля Роша. Его идеи во многом совпадали с идеями Шартье, но для Роша очень важна динамика культуры, он много размышлял о «социальной трансмиссии культурных фактов». В центре его исследований – взаимодействия, типы общения, разные формы чувствительности, обмена, распространение знаний, воспринимаемые под углом зрения социальных различий. Кроме того, его особенно интересовала материальная культура и связи материальных и идеальных форм в истории³⁶.

Трудно переоценить вклад в развитие истории репрезентаций Мориса Агюлона. Опираясь на архивные источники, он изучал старинные формы объединения людей в Провансе и их эволюцию в последний век Старого порядка. Исследуя сеть ученых обществ и масонских лож, географию их связей, историк показал, как в эпоху Просвещения законное переплеталось с незаконным, как неявно, но ощутимо сочетались знания и власть. Ему удалось уточнить, кто именно читал философические сочинения. На французском материале XIX века историк изучал народную и политическую культуру, связав культурную историю социального с политической³⁷. Пионером в изучении социального воображаемого во французской историографии, преимущественно на материале XVIII в., был историк Бронислав Бачко³⁸. Можно назвать также Жана Делюмо, одного из создателей т.н. *religion vécue*, в которой история людей вписывалась в разнообразные контексты, позволяющие понять их поступки, коммуникации, замыслы, верования, ментальность, идентичности. Делюмо одним из первых стал изучать человеческие чувства и эмоции.

³⁵ См., об этом подробнее: Шартье 2006.

³⁶ Рош 2001.

³⁷ Agulhon 1988–1996.

³⁸ См.: Porret 2015. P. 329–336.

Самый известный исследовательский сюжет, блестяще им разработанный – история страха во французской и европейской культуре Нового и Новейшего времени³⁹. Многие историки репрезентаций были учениками знаменитого Эрнеста Лабрусса⁴⁰. Среди них – один из самых ярких специалистов по истории XIX века Ален Корбен, без которого трудно представить французский вариант культурной истории⁴¹.

Концепт *репрезентация* позволяет историкам обнаружить действенный характер рефлексивного, дискурсивного и идейного моментов в поведении людей, не отрывая их от социальной среды, что характерно для традиционной истории идей. Историки репрезентаций научились не «разводить» принципы изучения интеллектуальной и материальной сфер, включая тем самым французскую историографию в материальный поворот. Им удалось убедительно показать когнитивную составляющую процесса присвоения/потребления. «На всех уровнях реальности действуют определенные способы организовывать, классифицировать, подсчитывать. Поэтому теперь уже невозможно противопоставлять анализ текстов анализу количественному и социальному», – писал Шартье.

Работая в русле истории репрезентаций, расширяя проблематику и меняя акценты, французские историки постепенно принимали и адаптировали идеи и подходы, которые к концу века переформатировали основания исторического ремесла. Прежде всего, это другое понимание исторической реальности: у историка нет прямого доступа к реальности; он имеет дело не с реальностью прошлого, а с репрезентациями ушедших из жизни людей, следы которых, отнюдь непрозрачные, историк находит в источниках и расшифровывает их содержание (впрочем, уже в контексте истории ментальностей нормативным стало понимание исторического факта не как данности, а как конструкции). Изменилось восприятие источников. В контексте истории репрезентаций произошла десакрализация письменного источника, в т.ч. архивного, хотя мысль о том, что наряду с письменными текстами существуют и иные источники была высказана еще в трудах основателей *Анналов* Марка Блока и Люсьена Февра. Но именно историки репрезентаций стали широко использовать в работе изображения, монеты, гербы, архитектуру, кино, телевидение, фотографию и проч. На волне культурного поворота усилилось критическое отношение историков к телеологии⁴².

Постепенно менялось понимание историчности⁴³ и ключевые эпистемологические установки познания: исследователи, изучая репрезентации, уходили от априорных клише разного порядка, прежде всего социальных. Для них важнее было понять, как подступиться к изучению основополагающих категорий, организующих ментальность и культуру:

³⁹ Cuchet 2010.

⁴⁰ Grenier, Lepetit 1989.

⁴¹ См. Poirrier 2007.

⁴² Corbin 2015.

⁴³ Historicités... 2009.

пространство, время, память, экономический рост, религиозные верования, научные открытия, власть. Медленно, но все более уверенно преодолевалось дихотомическое мышление: материальное – идеальное, рациональное – иррациональное, объективное – субъективное, производство – потребление, индивидуальное – коллективное, культура народная – культура элитарная и т.п.

Помимо социокультурных практик, поведенческих установок и реакций, французские историки с некоторым опозданием, по сравнению с англоязычными коллегами стали исследовать дискурсы и дискурсивные практики⁴⁴. В русле истории репрезентаций им удалось обосновать несостоятельность крайностей лингвистического поворота. В частности, они на конкретном материале объяснили, что логика дискурса и логика практического действия – это разные логики, что делает сомнительными распространённые попытки «читать» социальную реальность как текст⁴⁵. Кроме того, такие исследования позволили понять, что важны не только тексты высокой культуры. Напротив, для историка репрезентаций на первом месте тексты второстепенные, непрофессиональные. Если они имеют широкое хождение, то позволяют получить представление о культурной жизни большинства, в том числе «о способах, посредством которых в тексты вторгается устная стихия» (Д. Рош).

История репрезентаций релятивизирует устоявшиеся аналитические категории и подходы, и на этом поле довольно долго шли интенсивные дискуссии о том, как надо работать историку. Впрочем, в последнее десятилетие споры почти сошли на нет. Культурное измерение органично вписано в социальную историю, и это обстоятельство, помимо прочего, стимулировало развитие французской историографии как истории историков: включение культурного измерения в историю науки неизбежно приводит в лабораторию историка, а значит и к его идентичности, индивидуальной и профессиональной.

В эмпирических исследованиях на пересечении новых идей и разнообразных подходов пересмотрены многие устоявшиеся интерпретации ключевых периодов французской истории. Если говорить о новистике, то это история Старого порядка, Просвещение, Французская революция, история XIX века, Первая мировая война. Глубина перемен хорошо видна на материале Просвещения и Французской революции. Например, при сравнении двух работ об истоках революции: Даниель Морне «Интеллектуальные истоки французской революции»⁴⁶ и Роже Шартье «Культурные истоки французской революции»⁴⁷. Морне полагал, что решающие основания для революции конца XVIII века следует искать в истории идей, в т.ч. в трансформации общественного мнения во второй половине века и особенно накануне революционных потрясений.

⁴⁴ Guilhaumou 2000.

⁴⁵ Cohen 2010.

⁴⁶ Mornet 1933.

⁴⁷ Шартье 2001.

В течение нескольких десятилетий такое мнение разделяло большинство специалистов. Шартье, проблематизируя основные наблюдения и выводы Морне, показал, что непосредственная каузальная связь между философией Просвещения и Революцией вовсе не очевидна. Более того, есть основания полагать, что это революционеры изобрели Просвещение, обосновывая легитимность своей деятельности в корпусе текстов и списке авторов-творцов мировоззрения эпохи.

Тщательно изучив бытование идей накануне революции, Шартье выявляет их динамику в тесном переплетении содержания книг, условий их производства/восприятия и демонстрирует, что эти идеи далеко не все понимали одинаково. Смысловое содержание идей в результате становилось полифоничным. Кроме того, он проблематизировал введенное Ю. Хабермасом понятие общественного мнения, которое появилось в публичном пространстве XVIII в. Общественное мнение, захватившее дискурс повседневной жизни на протяжении двух десятилетий, предшествовавших революции, служило укреплению авторитета пишущих людей, но было дискриминационным в отношении основной массы населения. Шартье показал, что «Литературная республика» XVIII в. отдавала себе отчет в своей исключительности. Но помимо мнения просвещенной публики существовало еще и мнение народное: наряду с образованной, хорошо информированной публикой – огромная масса людей, не имевших возможности участвовать в дебатах. Шартье вписывает историю идей в историю их производства, распространения и восприятия. Ему удалось показать в материале, что не книги делают революцию, но революционеры, использующие книги как инструменты легитимации своих инициатив. В этом контексте он отвергает прямую связь между распространением памфлетной литературы и трансформацией образа монарха и показывает, что практики чтения не менее важны, чем идейное содержание текстов. Например, среди читателей Руссо были люди, оказавшиеся санюлотами, и те, кто с самого начала ушли в лагерь контрреволюции. В конечном счете Шартье пришел к выводу, что Просвещение – это исторический конструкт, созданный постфактум революционной эпохой и революционной традицией.

Книга Шартье, помимо прочего, позволяет понять принципиальную амбицию культурной истории и суть историографического поворота, связанного с ней. Если раньше историки работали преимущественно в русле отдельных, почти герметичных сфер – история идей, история экономическая, социальная, политическая, – то в контексте истории репрезентаций идеи вписываются в социальную ткань и становятся внятными их политические импликации, а также активная роль людей в том, что происходит в социуме.

В 1990-е годы группа исследователей (среди них Стефан Одуэн Рузо и Аннета Беккер)⁴⁸, ввела в историческое познание концепт *культу-*

⁴⁸ Audoin-Rouzeau et Becker 2000.

тура войны. С его помощью они исследовали ментальность и воображение сражающихся людей, а также состояние гражданского населения в условиях войны и его «согласие с войной». «Культура войны – это совокупность репрезентаций кровавого и варварского конфликта, которые в системном виде и создают образ войны», придают смысл состоянию людей и позволяют объяснить и понять такой конфликт. Одна из целей заключается в том, чтобы трансформировать устоявшуюся в военной истории иерархию факторов, порождающих военные конфликты. Из многочисленных публикаций, созданных в русле такого подхода понятно, что не только социально-экономические факторы и дипломатия порождают войны. Матрицей кровавого насилия является агрессивная культура, связанная в XIX и XX вв. не только с государственными интересами, но также с национализмом, политикой и образованием. Иными словами, при объяснении природы войн прошлого, Первой мировой войны, в частности, историки обращают внимание на фактор политики репрезентаций и культурной динамики, что позволяет изучать опыт военного времени во всем его разнообразии.

Изучение репрезентаций обеспечило заметное расширение территории исторического исследования. Историки обратили внимание на проблематику, которая раньше представлялась второстепенной или вовсе не заслуживающей внимания. Эта проблематика позволяет прояснить глобальные процессы, включая национальные и политические, которые так или иначе воплощались в культурных объектах и логиках действующих лиц. Так, например, Д. Рош написал несколько монографий в русле большого проекта «История лошади». Разумеется, речь идет не о том, чтобы описать лошадь: «Собственно лошадь, – иронично говорил историк, – это голова и хвост»⁴⁹. Используя этот тривиальный сюжет, Рош основательно изучил повседневные практики общества Старого порядка и написал историю «конной цивилизации», которую в конце XIX в. сменила цивилизация автомобильная. Опираясь на разнообразные источники, Рош показал, как использовали лошадь в Новое время в городе и деревне, изучил ее образы и репрезентации. Получилось, что ментальный кадр «конная культура» играл колоссальную роль в жизни людей. Например, при делении страны на департаменты во время административной реформы в годы Французской революции реформаторы исходили из идеи о том, что дистанция от центра департамента до его границы в идеале не должна превышать один день езды на лошади. Кроме того, законодательство о лошадях и их использовании было заботой всех французских политических режимов вплоть до Третьей республики. Таким образом «лошадь» играла определенную роль в конституировании государства Нового времени. Кроме того, сюжет позволил Рошу показать культуру скорости, свойственную этому периоду цивилизации, и другие особенности жизненного мира XVIII–XIX вв.

⁴⁹ Сегодня, в связи с формированием нового исследовательского поля – истории животных – такое понимание пересматривается.

Интегративные интенции истории репрезентаций очевидны, и вновь возникает проблема синтеза. Многие историки не верят в то, что синтез возможен, во всяком случае на уровне тотальной истории, предложенной Броделем. Тем не менее концептуальная призма репрезентации позволяет по-новому структурировать пространство исторического исследования. По сути это новая модель, в которой первостепенное значение имеет не изучение разных типов истории -- экономической, социальной, политической, культурной, -- соответствующее распространенному представлению об иерархическом устройстве мира, но стремление расшифровать деяния и творения людей на пересечении различных подходов. Как отметил А. Корбен, такая проблематизация имеет не только концептуальное значение. Возникает вопрос о реорганизации исследовательских центров и перестройке образовательного процесса⁵⁰.

История репрезентаций воспринимается по-разному, но сегодня очевидно, что речь идет об антропологически ориентированной междисциплинарной исследовательской модели, которая заметно изменила историографический пейзаж не только во Франции. Учитывая уроки всех известных поворотов в гуманитарном познании (лингвистического, социологического, антропологического, культурного, прагматического, визуального, рефлексивного, материального и проч.) историки, работающие с такой моделью историописания, выявляют накопившиеся в историческом познании интеллектуальные ловушки и предлагают различные варианты их преодоления. В результате обновляется аналитический инструментарий историка, появляются новые исследовательские стратегии, историография освобождается от детерминизма, упрощенного материализма и эмпиризма, а также структурализма и функционализма, которые длительное время служили для нее теоретическим основанием. Впрочем, работа историка продолжает усложняться. Однако проблематика взаимоотношений между репрезентациями и практиками остается актуальной, открывая новые исследовательские горизонты.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бессмертный Ю.Л. Как писать историю Франции. Французская историография в 1994-1997 гг.: методологические веяния. М. 1998 [Bessmertnyj YU.L. Kak pisat' istoriyu Francii. Francuzskaya istoriografiya v 1994-1997 gg.: metodologicheskie veyaniya. M. 1998]
- Вартофский М. Модели: Репрезентация и научное познание. М. М.: Прогресс, 1988 [Vartofskij M. Modeli: Representaciya i nauchnoe poznanie. M.: Progress, 1988].
- Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь // Новое литературное обозрение. 1998. № 33 [Ginzburg K. Representaciya: slovo, ideya, veshch' // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 33]
- Зверева В. Репрезентация и реальность // Отечественные записки. 2003. № 4 [Zvereva V. Representaciya i real'nost' // Otechestvennyye zapiski. 2003. № 4].
- Канинская Г.Н. Историк об историческом знании и о себе. Интервью с директором центра истории института политических наук Парижа профессором Ж.-Ф. Сиринелли // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 291-304 [Kaninskaya G.N. Istoriik ob istoricheskom znanii i o sebe. Interv'y u s direktorom centra istorii instituta politicheskikh nauk Parizha professorom Zh.-F. Sirinelli // Dialog so vremenem. 2010. Vyp. 30. S. 291-304].

⁵⁰ Corbin, Déloye, Haegel 1993.

- Микешина Л.А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. Т. X. № 1. М. 2007 [Mikeshina L.A. Reprzentaciya: chastnyj metod ili fundamental'naya operaciya poznaniya? // Epistemologiya i filosofiya nauki. T. X. № 1. M. 2007].
- Рош Д. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцатого первого. М.; СПб. 2001. С. 253-284 [Rosh D. Ot social'noj istorii k istorii kul'tur: epoha Prosveshcheniya // Istoriya prodolzhaetsya. Izuchenie vosemnadcatogo veka na poroge dvadcat' pervogo. M.; SPb. 2001. S. 253-284].
- Чеканцева З. А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // ЭНОЖ «История», 2013. Т. 4. Вып. 2 (18) [Chekanceva Z. A. Epistemologiya istoricheskogo obraza na rubezhe XX—XXI vv. // ENOZH «Istoriya», 2013. T. 4. Vyp. 2 (18)].
- Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 229-239 [Chekanceva Z.A. Kollektivnaya pamyat' i istoriya // Prepodavatel' XXI vek. 2015. № 4. Ch. 2. S. 229-239].
- Чеканцева З.А. Память и национальная идентичность в исторической культуре Франции // Диалог со временем. 2017. Вып. 59 [Chekanceva Z.A. Pamyat' i nacional'naya identichnost' v istoricheskoy kul'ture Francii // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 59].
- Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей // Новое литературное обозрение. 2004. № 66 [SHart'e R. Intellektual'naya istoriya i istoriya mental'nostej // Novoe literatur-noe obozrenie. 2004. № 66].
- Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001 [SHart'e R. Kul'turnye istoki Francuzskoj revolyucii. M.: Iskusstvo, 2001].
- Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006 [SHart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006].
- Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентаций, или о материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007 [Yampol'skij M. Tkach i vizioner. Ocherki istorii reprezentacij, ili o material'nom i ideal'nom v kul'ture. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2007].
- Agulhon M. Histoire vagabonde. Tome 1-3. Paris, Gallimard, 1988,1989,1996.]
- Artières Ph. L'inscription dans un courant historiographique majeur // Sociétés & Représentations 2015/2 (N° 40), p. 343-349.
- Audoin-Rouzeau S. et Becker A. 14-18. Retrouver la guerre, Paris, Gallimard, 2000.
- Brilli E. L'essor des images et l'éclipse du littéraire. Notes sur l'histoire et sur les pratiques de l'« histoire des représentations // L'Atelier du Centre de recherches historiques [En ligne], URL: <http://acrh.revues.org/2028>.
- Burke P. What is Cultural History? Cambridge. Polity Press. 2004.
- Chartier R. Le monde comme représentation // Annales H.S.S., 1989/6, p.
- Chartier R. Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquiétude. P.: Albin Michel, 1999.
- Cohen D. La Nature du peuple. Les formes de l'imaginaire social (XVIIIe – XXIe siècles).
- Corbin A. Déloye Y., Haegel F. De l'histoire des représentations à l'histoire sans nom. Entretien avec Alain Corbin // Politix, vol. 6, n°21.1993, pp. 7-14.
- Corbin A. Le risque, pour l'historien désireux de comprendre le passé, de savoir ce qui est advenu après la période qu'il étudie, Sociétés & Représentations 2015/2 (N°40), p. 337-342.
- Cuchet G. Jean Delumeau, historien de la peur et du péché Historiographie, religion et société dans le dernier tiers du 20e siècle // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2010/3. N°107. P. 145-155.
- Delacroix Ch., Dosse F. et Garcia P. Les courants historiques en France. 19e-20e siècle. Paris, Gallimard, 2007.
- Delacroix Ch., Dosse F., et Garcia P. (dir.) Historicités .Paris: Découverte, 2009.
- Dictionnaire des sciences historiques / sous la dir. A. Burguière. P.: Presses univ. de France, 1986.
- Entretien avec Roger Chartier // Sociétés & Représentations 2015/2. N°40. P. 289-321.
- Gauvard C. Les représentations au Moyen Âge: quelques pistes de réflexion // Sociétés & Représentations 2015/2. N°40. P. 277-287.
- Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. A propos de C.-E. Labrousse // Annales ESC. 1989. № 6. P. 1337-1360.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.

- Heinich N. Représentation: la dimension cognitive du terme // Sociétés & Représentations 2015/2. N°40. P. 357-360.
- Histoire culturelle de la France / Rloux J.-P. et Sirinelly J.-F. (dir.). 4 vol. P.: Seuil, 1997-1998.
- Histoire culturelle en France // Historiographies. Concepts et débats. Sous la direction de Christian Delacroix, François Dosse, Patrick Garcia et Nicolas Offenstadt. Paris: Gallimard, 2010. (Coll. Folio histoire.) – T. I.
- L'Histoire culturelle du contemporain / Laurent M. et Venayre S. (dir.). P.: Nouveau Monde. 2005.
- Kalifa D. Représentation et pratiques // Historiographies. Concepts et débats. Paris: Gallimard, 2010. T II. P. 877-883.
- Kalifa D. Lendemain de bataille. L'historiographie française du culturel aujourd'hui // Histoire, économie & société 2012/2 (31e année). P. 61-70.
- Lepetit B (dir.), Les Formes de l'expérience. Une autre histoire sociale, Paris, A. Michel, 1995.
- Mollier J.-Y. Histoire culturelle // Aron P., Saint-Jacques D. et Viala A. (dir.). Dictionnaire du littéraire. Paris: PUF, 2002. P. 266-267.
- Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution française: 1715–1787. Paris, 1933.
- Pascal Ory, L'Histoire culturelle, Paris, PUF, coll. Que-sais-je ?, 2004.
- Poirrier Ph. Les Enjeux de l'histoire culturelle, Paris, Seuil, 2004.
- Poirrier Ph. L'histoire culturelle en France. Retour sur trois itinéraires: Alain Corbin, Roger Chartier et Jean-François Sirinelli // Cahiers d'histoire. La revue du département d'histoire de l'Université de Montréal, 2007, n° 2, p. 49-59.
- Pomian K. De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet de l'histoire // Revue de Métaphysique et de Morale. 1998. N 103/1. P. 63-110.
- Porret M. Représentations et idées-images au temps des Lumières // Sociétés & Représentations 2015/2. N°40. P. 329-336.
- Roussiau N., Bonardi Ch. Les représentations sociales. Etat des lieux et perspectives. Mardaga éditions. 2001.
- Serna J. et Pons A. La Historia cultural. Madrid, Akal, 2005.
- Sur le thème "La puissance de l'image", la 21e édition des Rendez-vous de l'Histoire s'est déroulée du 10 au 14 octobre 2018 // <https://www.lanouvellerepublique.fr/blois/dossier/les-rendez-vous-de-l-istoire/rvh-2018>
- Thompson E.P. La formation de la classe ouvrière anglaise. Traduit de l'anglais par G. Dauvé, M.P. Golaszewski et M.-N. Thibault. Paris, Éditions du Seuil. 2012. 1 164 p.
- Tillier B et Tsikounas M. Entretien avec Arlette Farge // Société et Représentations. N 40. 2015. P. 323-328.
- Vovelle M. Histoire de représentations // Ruano-Borbalan J.-C. L'histoire aujourd'hui. Paris: Éditions Sciences humaines. 1999.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; zinaidachekantseva@gmail.com

History of representations in French? And updating of historical writing

Representation is one of the basic concepts of social and human sciences. Philosophers have done a lot to show the complex nature of this ambiguous concept, but its simplified interpretation dominated the scientific world. However, in 1980-1990, in the conditions of the multiplication of technical intermediaries between man and reality, the concept of representation was filled with new content and became the key concept of the cultural turn in the humanities. French historians of mentality have discovered the historical dimension of cultural worlds. Researchers of representations inscribed one in anthropologically oriented social history. Article discusses the "history of representations" in French and the contribution of this type of historical writing to the expansion of the cognitive capabilities of historical knowledge.

Keywords: representation, social, cultural turn, imagination, image, practices, identity, affect

Zinaida Chekantseva, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; zinaidachekantseva@gmail.com